

УДК 316.42
ББК 60.524.126
© Молодов О.Б.

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

МОЛОДОВ ОЛЕГ БОРИСОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела исследования уровня и образа жизни населения
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
E-mail: o_young8172@mail.ru

В конце XX века на постсоветском пространстве произошли масштабные дезинтеграционные процессы, вызванные прежде всего распадом СССР. В образовавшихся суверенных государствах на повестку дня встала проблема социальной консолидации, поскольку без сплочения населения вокруг общих ценностей, идеалов и интересов невозможно противостоять современным вызовам и угрозам. Проблема консолидации общества особо актуальна для России, многонационального и поликонфессионального государства, где социальные трансформации привели к возникновению множества социальных неравенств. В условиях новой реальности наряду с факторами, способствующими объединению интересов различных социальных слоев и групп, существуют и предпосылки для дальнейшего разобщения населения, в том числе на региональном уровне. Среди них важное место занимает низкая общественная (гражданская) активность и идентичность жителей региона. Исследование общественного мнения населения Вологодской области показало, что низкая общественная активность в основном объясняется неверием граждан в возможность влияния на положение дел и на принятие решений органами власти, безразличием к общим делам и изживенческими настроениями. Большинство жителей не готово объединиться для защиты собственных или групповых интересов и предполагает ограничиться подписанием обращения к органам власти. Экономический кризис стал угрозой для увеличения доли среднего класса – основной социальной базы построения гражданского общества в стране. Определенную ответственность за сложившуюся ситуацию несут региональные и местные СМИ, в основном реализующие функцию по «улучшению имиджа» властных структур и характеризующиеся преобладанием развлекательного контента. Не завершилось в регионе и формирование общенациональной идентичности населения, значительная часть которого ощущает свою принадлежность к локальному и региональному сообществу. Традиционная религия большинства жителей (право-

славие) не обладает значительным консолидационным потенциалом. В целях сплочения населения региона для решения общих задач следует предпринять усилия по вовлечению жителей области в реализацию социально значимых проектов, формированию активной жизненной позиции и общенациональной идентичности.

Государство, регион, гражданское общество, социальная консолидация, доверие, общественная активность, идентичность.

Важной задачей современной России, которая нашла отражение в политологии и социологической науке, является консолидация общества. В конце XX века на постсоветском пространстве прошли масштабные дезинтеграционные процессы, вызванные распадом единой идеологии, самого государства и сложившихся общественных институтов. «Некогда консолидированное общество на глазах стало рассыпаться, люди утратили доверие и интерес друг к другу, замкнулись в собственном мирке, состоящем в основном из материальных ценностей» [2, с. 10].

Проблема сплочения особо актуальна для российского общества, которое характеризуется преобладанием процессов дифференциации и размежевания. Президент РФ В.В. Путин среди приоритетов развития страны называет консолидацию «на основе понятных и четких целей, ...вокруг базовых общенациональных ценностей и задач», без которой противостоять имеющимся угрозам будет невозможно» [34]. Вполне очевидно, что сегодня существует потребность в продумывании, прояснении, согласовании общей системы целей, ценностей, идеалов, концепции, которая работала бы на объединение российского общества [5, с. 26].

В последние годы, как отмечает Д.А. Медведев, в результате глобального кризиса формируется «новая реальность», охватывающая не только экономику, но и все существенные стороны жизни современного общества [25, с. 26]. Значительным изменениям подвергается геополитическая и внешнеполити-

ческая ситуация вокруг России. Оценки ведущих экспертов подтверждают существование реального кризиса в экономике, характеризуя так называемый «период турбулентности». Уровень потребления домохозяйств россиян откатился до уровня 2004 – 2005 гг., а за год (к октябрю 2015 года) население потеряло почти 10% своих реальных доходов [31; 32; 36]. Стремительное падение уровня жизни, непосильные кредиты и страх перед будущим отмечает политолог М. Делягин [38, с. 55]. Современная ситуация характеризуется «печальными параметрами социальной поляризации»: в 2014 году децильный коэффициент по официальной статистике составляет 1:16, а по экспертным оценкам, учитывающим скрытые доходы, от 1:25 до 1:40 [38, с. 50].

В современном российском обществе проблема консолидации приобретает особое значение в связи с тем, что в результате различных трансформаций в обществе возникло множество социальных неравенств, которые оказывают деструктивное воздействие на стабильность [20, с. 125]. К.Г. Холодковский, в частности, говорит о размежевании между сторонниками рыночных реформ, индивидуальной предприимчивости и приверженцами традиционалистских, государственно-патерналистических начал в экономике и социальной жизни [41, с. 22]. Исследования влияния информатизации на социальную структуру общества показывают, что среди населения страны существует и «цифровой раскол», постепенно трансформирующийся в «цифровое неравенство» [12, с. 45].

Целью настоящей статьи является анализ отдельных факторов, препятствующих консолидации регионального социума в условиях новой социальной реальности.

Общественное устройство современной России имеет специфические черты и рассматривается некоторыми авторами как продолжение существовавшего в СССР социально-экономического порядка, исторические корни которого уходят в прошлое страны, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства и гражданского общества [45, с. 89]. Поэтому на этапе транзитивности многие институты, характерные для западного общества, еще находятся на начальном этапе становления.

В условиях благоприятной экономической конъюнктуры в российском обществе середины 2000-х гг. начали складываться определенные предпосылки для сплочения населения, связанные с ростом уровня доходов граждан, стабилизацией политической ситуации и высоким уровнем доверия населения к Президенту России В.В. Путину [15; 17]. И в настоящее время, по данным ИСЭРТ РАН за 2015 год, ему доверяет 61% населения Вологодской области, а 69% одобряют деятельность главы государства. Личность и деятельность действующего президента страны остаются в течение последних лет ключевыми факторами сплочения населения России и Вологодчины [26; 43].

Консолидация общества в первом десятилетии XXI века происходила на основе государственно-патриотической ориентации абсолютного большинства граждан отчасти благодаря проводимому курсу на историческую преемственность. Именно в тот период были официально заявлены амбициозные стратегические планы развития страны до 2020 года. Среди россиян преобладала уверенность в способности страны совершить прорыв в своем развитии [22, с. 14]. В 2014 – 2015 гг.

события, связанные с победой на зимней Олимпиаде в г. Сочи, возвращением Крыма в состав России и началом антитеррористической операции в Сирии, несмотря на усиление военно-политического давления и введение санкций, усилили патриотический подъем россиян и консолидацию вокруг национального лидера.

Однако, наряду с позитивными предпосылками сплочения населения, социологами выделяются факторы деструктивной (негативной) консолидации, которые лежат в основе объединения людей для каких-либо разрушительных действий, способствуют дифференциации в обществе. В.В. Локосов и В.Л. Шульц, анализирувшие результаты опросов населения в докризисный период (2007 – 2008 гг.) относят к подобным факторам:

- отсутствие доверия к политическим и социальным институтам;
- низкий уровень удовлетворенности условиями жизни и проводимой социальной политикой;
- недостаток уровня общегражданской идентичности (то есть отсутствие «нации сограждан») [22, с. 14].

Одним из факторов, выступающих в качестве рисков и угроз для консолидации, являются СМИ. Современные массмедиа – фактор институциональной угрозы, формирующий массовое сознание и управляющий им. Как отмечает В.В. Кривокусов, результатом их деятельности стал межпоколенческий разрыв и приоритет сетевых коммуникаций для многих молодых людей [21, с. 37].

В целом факторы и риски складываются в сложную и противоречивую разновекторную конструкцию. Задача государства – адресно стимулировать позитивные факторы, блокировать негативные, а многовариантные направлять в «позитивное русло». Знание о них имеет и практическое значение для формирования системы социального контроля

процесса консолидации на уровне региона, придания ему научно выверенного характера.

Среди факторов, препятствующих сплочению населения, в том числе на региональном уровне, выделяется его низкая общественная активность.

Результаты последнего мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН, свидетельствуют, что жители Вологодской области доверяют в первую очередь органам власти, в том числе регионального уровня, а индекс доверия общественным институтам (особенно СМИ и региональным отделениям политических партий) остается низким (табл. 1). Примечательно, что наивысший уровень доверия населения получили суд и прокуратура – правоохранительные органы, при которых в силу их специфики не создано формализованных органов общественного контроля.

Основными препятствиями для гражданского участия являются: отстраненность населения от участия в делах государства и равнодушие, связанные с ростом недоверия к деятельности власти, неуверенности в том, что власть защищает его интересы, неверие в собственные возможности. Итоги опросов обществен-

ного мнения населения Вологодской области подтверждают, что большинство жителей региона считают, что они не имеют возможности повлиять на состояние дел (табл. 2).

На основании представленных данных можно утверждать, что только треть населения области чувствует возможность повлиять на состояние дел в собственном доме или дворе при более чем 40% пессимистично настроенных граждан. Однако, чем больше масштаб территории, тем меньше у них уверенности в своих возможностях. Если на уровне муниципалитетов оптимистически настроенные жители составляют за последние три года 7 – 9%, то на уровне региона и страны в целом – не более 4%.

В качестве основных препятствий для проявления своей гражданской позиции пятая часть респондентов указывает неверие в возможность оказывать влияние на принятие решений властями, безразличие к общим делам и привычку надеяться на готовое (иждивенчество) (табл. 3).

Реже в качестве причин низкой гражданской активности приводятся недостаток знаний и времени на участие в общественной жизни.

Таблица 1. Доверие жителей Вологодской области к региональным органам власти, органам местного самоуправления и общественным институтам, % от числа опрошенных

Позиция в рейтинге	Наименование института	Вариант ответа			Индекс доверия*
		Полностью доверяю и пожалуй доверяю	Совсем не доверяю и не очень доверяю	Трудно сказать	
1	Суд	44,1	25,8	30,1	118,3
2	Прокуратура	39,7	27,8	32,4	111,9
3	Полиция	35,2	34,0	30,9	101,2
4	Правительство области	33,1	31,6	35,3	101,5
5	Губернатор области	33,1	33,0	33,9	100,1
6	Законодательное собрание	23,2	23,2	34,2	100,0
7	Профсоюзы	29,1	29,5	41,4	99,6
8	Органы местного самоуправления	25,6	35,1	39,3	90,5
9	Средства массовой информации	28,6	38,5	32,9	90,1
10	Региональные отделения партий	18,6	36,6	44,8	82,0

*Для расчета индекса из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин.

Источник: Данные опроса общественного мнения «Социокультурный портрет Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел..?», % от числа опрошенных*

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
В Вашем доме, дворе, где Вы живете				
Да	35,6	34,5	33,5	35,1
Нет	42,7	41,1	47,1	44,3
Затрудняюсь ответить	21,7	24,5	19,4	20,6
В Вашем городе, районе				
Да	12,3	7,1	9,4	7,1
Нет	62,1	65,7	68,6	68,3
Затрудняюсь ответить	25,7	27,2	22,0	24,6
В нашей области				
Да	7,7	3,0	4,1	3,7
Нет	66,6	69,1	73,3	70,9
Затрудняюсь ответить	25,7	27,9	22,5	25,3
В стране в целом				
Да	6,6	2,5	3,7	3,3
Нет	67,4	69,5	73,5	70,3
Затрудняюсь ответить	26,0	27,9	22,8	26,4

* Вопрос задается 1 раз в год.
Источник: Данные мониторинга ИСЭРТ РАН.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Какие препятствия Вы считаете главными для проявления людьми своей гражданской позиции?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	24,7	27,2	22,7	21,0
Безразличие к общим делам, индивидуализм	26,2	24,1	23,5	19,6
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	19,1	22,0	21,9	19,5
Недостаток знаний, некомпетентность	15,2	19,1	15,9	15,4
Недостаток времени, чрезмерная занятость	12,3	15,5	15,0	14,4
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, правоохранительных органов	15,9	19,9	19,7	11,8
Отсутствие способности к организации	8,3	11,1	10,7	9,5
Опасение негативной реакции со стороны окружающих	6,7	9,4	7,4	6,5
Другое	0,6	0,3	0,2	0,1
Затрудняюсь ответить	27,3	29,7	29,9	35,1

* Вопрос задается 1 раз в год.
Источник: Данные мониторинга ИСЭРТ РАН.

Действительно, барьерами в развитии межсекторного социального партнерства являются патернализм, иждивенчество, несовершенство законодательства и растущая дифференциация общества [42, с. 198]. Именно исторически сложившийся патернализм во многом порождает иждивенческие настроения значительной части населения и обуславливает его низкую общественную активность. Патерналистские настроения стали одной из причин низкого уровня потенциала протеста. Как видно из таблицы 4, только 6% жителей области

готовы для защиты собственных интересов предпринять радикальные действия – взяться за оружие и пойти на баррикады.

Предположили участие в мирных акциях (демонстрациях, митингах) 10% опрошенных (в г. Вологде – 16%), а четвертая часть населения региона готова подписать петицию властям. Это дает возможность говорить о низком уровне протестных настроений вологжан.

Первопричиной невысокой социальной активности жителей региона, как и России в целом, является незначитель-

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Что Вы готовы предпринять для защиты собственных интересов?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Место жительства респондентов		В среднем по области
	Вологда	Череповец	
Мои интересы достаточно защищены	14,9	16,2	15,5
Подпишу обращение к властям	25,4	29,3	24,1
Выйду на митинг, демонстрацию	15,7	9,8	10,2
Буду участвовать в забастовках, других акциях протеста	3,9	4,8	3,3
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	4,6	4,8	5,9
Ничего не буду делать	12,9	14,6	15,5
Затрудняюсь ответить	22,6	20,5	25,5

Источник: Данные опроса общественного мнения «Социально-психологическое самочувствие населения Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году.

ный удельный вес среднего класса в социальной структуре общества. В современном социуме он представляет собой разнородную социальную группу, состоящую из экономически активных, материально обеспеченных и уверенных в своем социальном положении людей [24, с. 110]. Еще со времен Аристотеля в общественной мысли закрепилось мнение о важности масштабного среднего класса не только для экономического развития страны, но и для прочности всей системы социальных, политических и гражданских институтов.

Как показало исследование, за последние 15 лет социальная структура российского общества фактически не изменилась. Доля среднего класса с начала 2000-х гг. по-прежнему составляет около 20%, 10% относится к низшему классу, 70% – к классу ниже среднего [24, с. 109]. В отличие от стран Запада значительная часть российского среднего класса – чиновники и служащие крупных корпораций, а не предприниматели и представители свободных профессий. Более того, в России существуют предпосылки сокращения удельного веса этой социальной группы из-за старения населения, разорения предпринимателей и снижения доходов творческой интеллигенции [24, с. 129; 44]. Продолжающийся экономический кризис также угрожает среднему классу. Данные официальной статистики показывают, что за январь – ноябрь 2015 года

(по сравнению с аналогичным периодом 2014 года) реальная заработная плата россиян сократилась на 9,2%. Цены выросли в среднем на 15,8%, а на некоторые группы товаров и услуг – на 20% и более [33, с.14]. Инфляция в 2014 году составила 11,36%, а в 2015 году – 12,94% [39]. Таким образом, существуют неблагоприятные тенденции ухудшения социально-экономического положения большинства населения и, как следствие, сокращения доли среднего класса. Сложившаяся ситуация отрицательно влияет на гражданскую активность, поскольку для участия в общественных проектах требуется свободное время, материальные и иные ресурсы, уверенность в своем стабильном социальном положении. С другой стороны, эти негативные тенденции способны стимулировать рост протестной активности и сплотить население для участия в массовых мероприятиях, в том числе и деструктивного характера.

В формировании некоторых негативных черт общественного сознания определенная доля ответственности лежит на средствах массовой информации (масс-медиа). С одной стороны, «перекос» источников информации в сторону индустрии развлечений развивает у граждан желание уйти от реальности и существующих социальных проблем (эскейпизм), а также пассивность и примиренчество [30]. С другой стороны, исследования по-

казывают, что за региональными СМИ прочно закрепилась имиджевая функция, которая заключается в формировании положительного отношения к власти. При этом в новостном контенте крайне редко представлена информация о развитии институтов гражданского общества, в том числе на уровне региона и муниципалитетов [27].

Отсутствие критики власти в традиционных СМИ и политика замалчивания социально-экономических проблем негативно влияют на социальную активность граждан, часть из которых, получив необходимую информацию, могла бы быть вовлечена в реализацию различных гражданских инициатив. Интернет-СМИ, несмотря на растущую популярность, пока не достигли того уровня влияния на население, которым располагает телевидение, и воздействуют на сравнительно узкую группу пользователей. При этом их активность в киберпространстве не всегда способствует росту гражданской активности в реальном мире [16].

Противоречивый характер данной ситуации заключается в том, что Вологодская область и особенно областной центр в последние годы стали примерами успешного развития социального проектирования, способствующего вовлечению граждан в процесс управления городом на принципах межсекторного партнерства (власть – бизнес – общество). В Вологде система социальных проектов объединена общим брендом «Вологда – город добрых дел» и в основном направлена на развитие гражданской инициативы и добровольчества среди молодежи. Положительный опыт данной работы был обобщен на двух международных форумах по социальной инноватике, прошедших в Вологде в 2014 и 2015 годах [23]. Это позволяет надеяться на то, что в результате реализации подобных мероприятий у подрастающего поколения

сохранится активная жизненная позиция и иные качества, необходимые для укрепления консолидирующих начал общественного развития.

Важной проблемой в контексте социальной консолидации представляется и формирование идентичности россиян. Общество переходного типа остро нуждается в адекватной национальной и гражданской идентичности своих членов. В целях перехода к устойчивому развитию страны особенно востребованной становится гражданская идентичность и обусловленное ею сознание и поведение [3, с. 75-76]. Практическая значимость и ценность идентичности заключается в том, что от того, как люди воспринимают свою идентичность, зависит их отношение к событиям, происходящим в стране [10, с. 23].

Е. Бабосов, характеризуя самоидентификацию, говорит о трех ее типах:

- 1) человек определяет себя как принадлежащего к какому-либо сообществу и одновременно чувствует причастность к нему, сопереживает его проблемам;
- 2) человек заявляет о своей принадлежности к какой-либо группе, но не испытывает чувства близости к ней;
- 3) человек не говорит о принадлежности к сообществу, но испытывает чувства близости и причастности к нему, озабоченность его проблемами. Однако только первый тип соответствует самоидентификации в полном смысле слова [3, с. 75].

Самоидентификация связана с социокультурной диспозицией «свой – чужой», которая изучается различными общественными науками с целью исключения или нивелирования межэтнических и межличностных конфликтов [12, с. 66].

Данные последнего мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, проведенного Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук

(ИСЭРТ РАН), наглядно демонстрируют, что жители региона в основном ощущают принадлежность к локальному сообществу (табл. 5). «Своими» примерно треть опрошенных считают жителей поселения, в котором они проживают (32%), «близкими, но не своими» – 44%. Каждый пятый чувствует близость с региональным сообществом (22%). Примечательно, что жителей России относят к «своим», то есть наиболее близким, всего 9% респондентов, а почти треть (30%) относится к ним безразлично. В равной мере отдаленными чувствуют себя вологжане от населения республик бывшего СССР и планеты в целом.

Слабая общегражданская идентичность отчасти объясняется историческими причинами. Единственный крупный этнос, которому в СССР было отказано в возможности создания «своей» нации, был русский. Многонациональная РСФСР, территориально совпадающая с нынешней Россией, стала республикой, где этнические русские стали своего рода связующим материалом для создаваемых кир-

пичиков-наций [9, с. 65]. С распадом СССР на данной территории из бывших АССР по национальному принципу сформировались республики, автономные округа и автономная область. Остальные регионы, населенные преимущественно русскими, сохранили статус краев и областей.

В бывшем Союзе ССР доминировала так называемая «советская» идентичность, имевшая надэтнический характер. Тогда многие ощущали себя в рамках повседневности и в зарубежных поездках в первую очередь как советские люди, а затем уже как русские, казахи, татары и т. п. [29, с. 96]. С исчезновением советской идентичности произошло понижение ее структурирования до уровня локального этнически гомогенного общества, что, в частности, показывают индексы идентичности населения исследуемого региона (табл. 6).

Как отмечают исследователи, объясняя низкий уровень общегражданской идентичности, после распада СССР, разоблачая советское прошлое, уничтожили многие символы, разорвали связь времен

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое» – «чужое») с такими людьми?», % от числа опрошенных

Категория населения	Свое	Близкое, но не свое	Безразлично	Далекое, но не чужое	Чужое
Жители поселения, в котором я живу	32,4	44,1	19,2	3,4	0,9
Жители всей области	21,7	41,3	24,0	10,8	2,2
Жители всей России	9,4	26,9	30,1	25,0	8,6
Жители бывших республик СССР	5,8	18,2	34,8	26,3	14,9
Жители всей земли	5,8	16,0	34,1	24,7	19,3

Источник: Данные опроса общественного мнения «Социокультурный портрет Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году.

Таблица 6. Индексы идентичности жителей Вологодской области, % от числа опрошенных

Категория населения	Сумма ответов «свое» и «близкое, но не свое»	Сумма ответов «чужое» и «далекое, но не чужое»	Индекс идентичности*	Доля ответов «безразлично»
Жители поселения, в котором я живу	76,5	4,3	172,2	19,2
Жители всей области	63,0	13,0	150,0	24,0
Жители всей России	36,3	33,6	102,7	30,1
Жители бывших республик СССР	24,0	41,2	82,8	34,8
Жители всей земли	21,8	44,0	77,8	34,1

* Для расчета индекса из суммы ответов «свое» и «близкое, но не свое» вычитается сумма ответов «чужое» и «далекое, но не чужое», затем к полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин/

Источник: Данные опроса общественного мнения «Социокультурный портрет Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году.

и поколений. С середины 1950-х гг. в нашей стране каждая смена политического лидера страны начиналась с резкой критики предшественника и недавнего прошлого («десталинизация», «дехрущевизация» и т. п.) [10, с. 23-24].

Особая ситуация сложилась на Северном Кавказе, где возник глубинный социокультурный раскол на тяготеющие к модернизации «русские» края и области и национальные республики, которым свойственны демодернизационные процессы. Там этничность из сферы идентичности перешла в социально-политическую плоскость, усилив националистические проявления и противодействуя социальной консолидации [19, с. 24]. Базовые составляющие в российской идентичности (этническая, региональная, религиозная формы) в этом регионе сложны и нелинейны, поэтому важным условием успешного функционирования данной системы является оптимальное взаимодействие этих форм идентичности [6, с. 10].

В мононациональной Вологодской области консолидирующим фактором могла бы выступить историческая предрасположенность русского населения к православию, то есть общая религиозная идентичность. Несмотря на масштабную социальную трансформацию, религия продолжает играть важную роль в жизни общества и в личной жизни людей. В 1990-е гг. в мире отмечается тенденция усиления

религиозной идентичности, которая отчасти объясняется ответной реакцией на проявления глобализма [14, с. 120]. В последние годы рост исламского фундаментализма в значительной степени актуализировал проблему религиозной самоидентификации.

По результатам Всероссийской переписи населения 2010 года, 97,3% жителей Вологодской области из числа указавших свою нацию отнесли себя к русским. Вологодчина, известная как «Северная Фиваида», из-за плотной церковной топографии, множества православных храмов и крупных монастырей, в настоящее время не отличается повышенной религиозностью населения. Судя по результатам опроса 2012 года, среди жителей региона неверующих больше, чем в среднем по России (20% против 13), а исповедующих православие и относящих себя к Русской православной церкви (РПЦ) существенно меньше (30% против 41) (табл. 7).

Наибольшая часть респондентов признала себя «верующими без религии» (39%), а 2% – «христианами без конфессии». Остальные показатели конфессиональной самоидентификации в целом соответствуют общероссийским. Что касается религиозной практики, то жители Вологодской области в меньшей степени соблюдают предписания своей религии (13% против 22) и реже молятся (7% против 12) [1, с. 166].

Таблица 7. Конфессиональная самоидентификация населения Вологодской области, % от числа опрошенных

Варианты ответов, выбранные из предложенных	В целом по РФ		По Вологодской области
	Доля от всех опрошенных	Доля от опрошенных русских	
Верю в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедую	25	27	39
Исповедую православие, принадлежу к РПЦ	41	46	30
Не верю в Бога	13	14	20
Исповедую христианство, но не считаю себя ни православным, ни католиком, ни протестантом	4,1	4,3	2
Исповедую православие, но не принадлежу РПЦ и не являюсь старообрядцем	1,5	1,5	1

* Опросы проводились Фондом «Общественное мнение» в 2012 году, выборка 56900 респондентов от 18 лет и старше в 79 субъектах РФ. Источник: Арена. Атлас религий и национальностей Российской Федерации // Исследовательская Служба «Среда». – С. 110, 166. – Режим доступа : sreda.org/arena

Сегодня отмечается явный разрыв между религиозной идентификацией и действительной воцерковленностью. Отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, обычно около 20% респондентов сознательно относят себя к приверженцам традиционных религий. Социологические исследования показывают, что почти половина неверующих респондентов участвует в религиозных праздниках, а каждый пятый периодически посещает храм [4, с. 10].

Мониторинги общественного мнения свидетельствуют о том, что содержание веры у называющих себя верующими людьми зачастую лишено определенности, при этом религиозные идеи вполне уживаются с мистикой: верой в магию, колдовство, астрологические прогнозы и пророчества. Социологи считают, что сегодня мы имеем дело с культурной религиозностью, когда человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя, возможно, и не разделяет ее верования, не участвует в обрядах и не входит в общину верующих [40].

Негативное воздействие на формирование общероссийской идентичности оказывает чрезмерное социальное расслоение. Каждая социальная страта российского общества научилась жить своей внутренней жизнью, не обращая на остальных внимания [37, с. 12]. Нынешняя система представляется большинству несправедливой, что ведет к утрате чувства личной связи с государством, нарастанию отчуждения, размывает важнейшие консолидирующие начала – справедливость и восприятие государства как общего дела [8].

Исследователи сходятся во мнении, что необходимо формировать надэтническую общегражданскую идентичность, которая синтезирует социокультурную идентичность сообщества граждан, эт-

нические идентичности и политическую связь с государством, базируясь на принципах «согражданства» [8, с. 67]. Попытки форсировать формирование новых идентичностей взамен советской обречены на провал, поскольку это медленный процесс, требующий определения «конечной» цели, идеала, к которому страна должна стремиться [10, с. 19].

Таким образом, многонациональный и поликонфессиональный состав населения России, увеличивающийся поток мигрантов, смена поколений и значительный разрыв между богатыми и бедными делают процесс формирования идентичности чрезвычайно сложным. Даже в «русском» и относительно стабильном регионе, каким является Вологодская область, формирование общегражданской идентичности не завершилось, сплочение населения ощущается только на уровне местного сообщества, а традиционная религия не обладает значительным консолидационным потенциалом.

Сложные социально-экономические условия современной России не позволяют сформировать массовый средний класс, который должен стать основой стабильности и гражданского общества. Важным условием формирования гражданской активности должна стать поддержка социально ответственных граждан, которые бы чувствовали свою причастность ко всему, что происходит вокруг них, начиная с собственного двора и заканчивая страной в целом [35, с. 17].

Социально желаемые типы поведения нужно проектировать и внедрять, прежде всего – в молодежной среде, только тогда они станут повседневностью российского общества. Возможно, что в процессе постепенного вовлечения населения в активную социально-политическую деятельность у каждого гражданина появится стремление обладать высоким уровнем

нем правосознания, консолидировать свои усилия для общественного участия [7, с. 71]. На данном этапе необходима целенаправленная работа по воспитанию

гражданской активности и инициативности самих граждан, вовлечению их в реализацию социальных проектов с целью защиты интересов личности и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арена. Атлас религий и национальностей Российской Федерации [Электронный ресурс] // Исследовательская Служба «Среда». – Режим доступа : sreda.org/arena
2. Аргунова, В. Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ [Текст] / В. Н. Аргунова. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. – 312 с.
3. Бабосов, Е. Идентичность как фактор консолидации [Текст] / Е. Бабосов // Беларуская думка. – 2013. – № 3. – С. 74–79.
4. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания [Текст] / отв. ред. М. П. Мчедлов. – изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Культурная революция, 2009. – 400 с.
5. Волконский, В. А. Теоретические основы идеологии [Текст] / В. А. Волконский // Экономическая наука современной России. – 2015. – № 3 (70). – С. 26–44.
6. Горшков, М. К. Мечты россиян и реальность демоскопии [Текст] / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова // Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 7–26.
7. Грошева, И. А. Общественный контроль как основа правового государства [Текст] / И. А. Грошева // Омский научный вестник. – 2011. – № 3 (38). – С. 68–72.
8. Даминдарова, Ф. В. Этническая, надэтническая и гражданская идентичность в российском политическом дискурсе [Текст] / Ф. В. Даминдарова, Г. Ш. Исмагилова // Власть. – 2014. – № 4. – С. 63–67.
9. Делокаров, К. Процесс модернизации и проблемы российской идентичности [Текст] / К. Делокаров // Управление мегаполисом. – 2011. – № 5. – С. 18–26.
10. Делокаров, К. Укрепление российской идентичности на Северном Кавказе в синергетической парадигме [Текст] / К. Делокаров, А. Шадже, С. Чефранов, Е. Куква // Власть. – 2013. – № 2. – С. 9–13.
11. Дубровин, В. Л. Патриотизм как ресурс социального самоопределения в российском обществе [Текст] : автореферат дис. ... канд. социол. наук (22.00.04) / В. Л. Дубровин. – Ростов н/Д, 2015. – 39 с.
12. Жеребин, В. М. Цифровой раскол как новый фактор социальной стратификации [Текст] / В. М. Жеребин, О. А. Алексеева, Н. А. Ермакова // Вопросы статистики. – 2015. – № 5. – С. 35–47.
13. Истомина, О. Б. Диалог в условиях диспозиции «свой-чужой» [Текст] / О. Б. Истомина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 66–70.
14. Казьмина, О. Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы [Текст] / О. Е. Казьмина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 304 с.
15. Кожина, Т. П. Институциональное доверие: региональный аспект [Текст] / Т. П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2013. – № 3 (65). – С. 100–115.
16. Кожина, Т. П. Использование информационных ресурсов интернета региональным социумом [Электронный ресурс] / Т. П. Кожина // Вопросы территориального развития. – 2015. – № 7. – Режим доступа : <http://vtr.isert-ran.ru/article/1521>
17. Кожина, Т. П. Отношение населения Вологодской области к деятельности властных структур [Текст] / Т. П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2012. – № 1 (57). – С. 128–135.
18. Колозарида, П. В. Интернет и общественные движения: анализ развития тематики в базах ScienceDirect и Scopus [Текст] / П. В. Колозарида, А. А. Ульданова // Социологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 105–128.
19. Комаровский, В. С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски [Текст] / В. С. Комаровский // Власть. – 2015. – № 3. – С. 20–27.
20. Кошарная, Г. Б. Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества [Текст] / Г. Б. Кошарная // Власть. – 2015. – № 9. – С. 125–129.
21. Кривоусков, В. В. Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация [Текст] : автореф. дис. ... д-ра соц. наук (22.00.04) / В. В. Кривоусков. – Ростов н/Д, 2013. – 51 с.

22. Локосов, В. В. Основания консолидации российского общества (социологические аспекты) [Текст] / В. В. Локосов, В. Л. Шульц. – М. : ИСПИ РАН, 2008. – 168 с.
23. Максимов, Н. Социальные практики Вологды получили высокую оценку [Текст] / Н. Максимов // Красный Север. – 2015. – № 100. – 9 сентября.
24. Малева, Т. М. Средние классы на различных этапах жизненного пути [Текст] / Т. М. Малева, А. Я. Бурдяк, А. О. Тындык // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 3 (27). – С. 109–138.
25. Медведев, Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы [Текст] / Д. Медведев // Вопросы экономики. – 2015. – № 10. – С. 5–29.
26. Молодов, О. Б. Доверие как фактор консолидации общества [Электронный ресурс] / О. Б. Молодов // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 5 (5). – Режим доступа : <http://vtr.isert-ran.ru/article/1336/full>
27. Молодов, О. Б. Имидж региональных органов власти: теоретические основы и проблемы формирования [Электронный ресурс] / О. Б. Молодов // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 10 (20). – Режим доступа : <http://vtr.isert-ran.ru/article/1452/full>
28. Молодов, О. Б. Конфессиональная и национальная самоидентификация населения России (по материалам социологического опроса 2012 г.) [Текст] / О. Б. Молодов // Сибирский вестник специального образования. – 2015. – № 1 (14). – С. 77–80.
29. Молодов, О. Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана [Текст] / О. Б. Молодов // Социум и власть. – 2014. – № 6 (50). – С. 95–102.
30. Молодов, О. Б. Региональные и местные СМИ Вологодской области: контент-анализ [Текст] / О. Б. Молодов // Проблемы развития территории. – 2014. – № 2 (70). – С. 127–136.
31. Не повод для бравурных реляций [Текст] // Эксперт. – 2015. – № 43.
32. Осталось только молиться [Текст] // Эксперт. – 2015. – № 43.
33. О текущей ситуации в экономике Российской Федерации в январе – ноябре 2015 г. [Текст]. – М. : Минэкономразвития, 2015. – 122 с.
34. Персональный сайт Владимира Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://interespol.ru/programm/consolid>
35. Петухов, В. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия [Текст] / В. В. Петухов, Р. Э. Бараш, Н. В. Седова, Р. В. Петухов // Власть. – 2014. – № 9. – С. 11–19.
36. Пристегнитесь. Мы в зоне турбулентности [Текст] // Эксперт. – 2015. – № 43.
37. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России [Текст] / под ред. М. К. Горшкова. – М. : Российская газета, 2007. – 444 с.
38. Социальная ситуация в России в середине «нового старого» политического цикла: что происходит и какие перспективы просматриваются? (Размышления и оценки В. Бобкова, С. Глазьева и М. Делягина) [Текст] // Российский экономический журнал. – 2015. – № 4. – С. 44–60.
39. Уровень инфляции в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : уровень-инфляции.рф/таблица_инфляции.aspx
40. Филатов, С. Б. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность [Текст] / С. Б. Филатов, Р. Н. Лункин // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 35–45.
41. Холодковский, К. Г. Социальные корни идейно-политической дифференциации российского общества [Электронный ресурс] / К. Г. Холодковский // Гражданское общество в России: Научная электронная библиотека. – Режим доступа : http://www.civisbook.ru/files/File/Kholod_1998_3.pdf
42. Чернявский, Р. Г. Барьеры в функционировании системы межсекторного социального партнерства современного российского общества [Текст] / Р. Г. Чернявский // Проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – Вып. 7. – С. 194–199.
43. Шабунова, А. А. Доверие и общественное развитие в России [Текст] / А. А. Шабунова, Т. А. Гужавина, Т. П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2015. – № 2 (79). – С. 7–19.
44. Шимов, Я. Россиянам не стыдно. Большинство граждан горды страной, но не рады тому, как они живут, выяснили социологи [Электронный ресурс] / Я. Шимов // Радио «Свобода». – Режим доступа : <http://www.svoboda.org/content/article/27414092.html>
45. Шкаратан, О. И. Социальная система, обращенная в прошлое [Текст] / О. И. Шкаратан // Социологический журнал. – 2015. – Т. 21. – № 3. – С. 88–104.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молодов Олег Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: o_young8172@mail.ru. Тел.: (8172) 59-78-10.

Molodov O.B.

SOCIAL CONSOLIDATION IN THE NEW REALITY: THE PROBLEM OF SOCIAL ACTIVITY AND IDENTITY OF REGIONAL POPULATION

At the end of the 21th century the post-Soviet space witnessed extensive disintegration processes caused primarily by the USSR collapse. The formed sovereign states faced the problem of social cohesion, for without the cohesion of population around shared values, ideals and interests it is impossible to meet today's challenges and threats. The issue of society consolidation is especially urgent for Russia, a multinational and poly-confessional state, where social transformation led to the emergence of social inequalities. In the new reality, along with the factors that unite the interests of various social strata and groups, there are preconditions for the further alienation of population, including at the regional level. Among them we single out low social (and civil) activity and identity of the region's residents. The public opinion survey of the Vologda Oblast population shows that low social activity is mainly due to the citizens' disbelief in their ability to influence the situation and decision-making of the authorities, indifference to general affairs and dependency. Most residents are not ready to unite for the protection of private or group interests and find it sufficient just to sign the appeal to the authorities. The economic crisis became a threat to the increase in the middle class proportion – the main social base for the construction of civil society in the country. Some responsibility for this situation is laid on the regional and local media, mainly fulfilling the function of "improving the image" of power structures and characterized by the dominance of entertainment content. The formation of national identity of the population is not over in the region; many people feel their belonging to the local and regional community. The traditional religion of the majority of residents (Orthodoxy) has no significant consolidation potential. In order to unite the regional population for solving common problems it is necessary to involve area residents in the implementation of socially important projects and the formation of active life position and national identity.

State, region, civil society, social consolidation, trust, social activity, identity.

REFERENCES

1. Arena. Atlas religii i natsional'nostei Rossiiskoi Federatsii [Arena. Atlas of religions and nationalities of the Russian Federation]. *Issledovatel'skaya Sluzhba "Sreda"* [Research Service "Sreda"]. Available at : sreda.org/arena
2. Argunova V. N. *Sotsial'naya spravedlivost': tsennostno-institutsional'nyi analiz* [Social justice: value-institutional analysis]. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2004. 312 p.
3. Babosov E. Identichnost' kak faktor konsolidatsii [Identity as a factor of consolidation]. *Belarusskaya dumka* [Belarusian Dumka], 2013, no. 3, pp. 74–79.
4. Vera. *Etnos. Natsiya. Religiozniy komponent etnicheskogo soznaniya* [Faith. Ethnos. Nation. Religious component of ethnic consciousness]. Executive editor M. P. Mchedlov. Edition 2 revised and supplemented. Moscow : Kul'turnaya revolyutsiya, 2009. 400p.

5. Volkonskii V. A. Teoreticheskie osnovy ideologii [Theoretical bases of ideology]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic science of modern Russia], 2015, no. 3 (70), pp. 26–44.
6. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Mechty rossiyan i real'nost' demoskopii [Dreams of the Russians and the reality of demoscropy]. *Politicheskie issledovaniya* [Political research], 2013, no. 5, pp. 7–26.
7. Grosheva I. A. Obshchestvennyi kontrol' kak osnova pravovogo gosudarstva [Social control as the basis for legal state]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk scientific bulletin], 2011, no. 3 (38), pp. 68–72.
8. Damindarova F. V., Ismagilova G. Sh. Etnicheskaya, nadetnicheskaya i grazhdanskaya identichnost' v rossiiskom politicheskom diskurse [Ethnic, national and civic identity in Russian political discourse]. *Vlast'* [Power], 2014, no. 4, pp. 63–67.
9. Delokarov K. Protsess modernizatsii i problemy rossiiskoi identichnosti [Process of modernization and problems of Russian identity]. *Upravlenie megapolisom* [Management of a mega-city], 2011, no. 5, pp. 18–26.
10. Delokarov K., Shadzhe A., Chefranov S., Kukva E. Ukreplenie rossiiskoi identichnosti na Severnom Kavkaze v sinergeticheskoi paradigme [Strengthening of the Russian identity in the North Caucasus in the synergetic paradigm]. *Vlast'* [Power], 2013, no. 2, pp. 9–13.
11. Dubrovin V. L. *Patriotizm kak resurs sotsial'nogo samoopredeleniya v rossiiskom obshchestve : avtoreferat dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Patriotism as a resource of social self-determination in the Russian society : Ph.D. in Sociology dissertation abstract]. Rostov on Don, 2015. 39 p.
12. Zherebin V. M., Alekseeva O. A., Ermakova N. A. Tsifrovoy raskol kak novyi faktor sotsial'noi stratifikatsii [Digital split as a new factor in social stratification]. *Voprosy statistiki* [Statistical issues], 2015, no. 5, pp. 35–47.
13. Istomina O. B. Dialog v usloviyakh dispozitsii "svoi-chuzhoi" [Dialogue in the context of a disposition of "friend or foe"]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2010, no. 6, pp. 66–70.
14. Kaz'mina O. E. *Russkaya pravoslavnyaya tserkov' i novaya religioznaya situatsiya v Rossii: etnokonfessional'naya sostavlyayushchaya problema* [The Russian Orthodox Church and the new religious situation in Russia: ethno-religious component of the problem]. Moscow : Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 304 p.
15. Kozhina T. P. Instituttsional'noe doverie: regional'nyi aspekt [Institutional trust: regional perspective]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2013, no. 3 (65), pp. 100–115.
16. Kozhina T. P. Ispol'zovanie informatsionnykh resursov interneta regional'nym sotsiumom [Use of Internet information resources of the regional society]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Problems of territorial development], 2015, no. 7. Available at : <http://vtr.isert-ran.ru/article/1521>
17. Kozhina T. P. Otnoshenie naseleniya Vologodskoi oblasti k deyatelnosti vlastnykh struktur [Attitude of the Vologda Oblast population the government's activities]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2012, no. 1 (57), pp. 128–135.
18. Kolozaridi P. V., Ul'danova A. A. Internet i obshchestvennye dvizheniya: analiz razvitiya tematiki v bazakh ScienceDirect i Scopus [Internet and social movement: analysis of subjects in the databases of ScienceDirect and Scopus]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2015, no. 3, pp. 105–128.
19. Komarovskii, V. S. Formirovanie natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti Rossii: vyzovy i riski [Formation of the national-state identity of Russia: challenges and risks]. *Vlast'* [Power], 2015, no. 3, pp. 20–27.
20. Kosharnaya G. B. Instituttsional'noe i mezhluchnostnoe doverie v konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Institutional and interpersonal trust in the consolidation of Russian society]. *Vlast'* [Power], 2015, no. 9, pp. 125–129.
21. Krivopuskov V. V. *Doverie v konsolidatsii rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskaya kontseptualizatsiya i institutsional'naya optimizatsiya : avtoref. dis. ... d-ra sots. nauk* [Trust in the Russian society consolidation : sociological conceptualization and institutional optimization : Ph.D. in Sociology dissertation abstract]. Rostov on Don, 2013. 51 p.
22. Lokosov V. V., Shul'ts V. L. *Osnovaniya konsolidatsii rossiiskogo obshchestva (sotsiologicheskie aspekty)* [Bases for consolidation of Russian society (sociological aspect)]. Moscow : ISPI RAN, 2008. 168 p.
23. Maksimov N. Sotsial'nye praktiki Vologdy poluchili vysokuyu otsenku [Social practices of Vologda have received high estimation]. *Krasnyi Sever* [Red North], 2015, no. 100, September 9.
24. Maleva T. M., Burdyak A. Ya., Tyndik A. O. Srednie klassy na razlichnykh etapakh zhiznennogo puti [The middle classes at various stages of life]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New economic Association], 2015, no. 3 (27), pp. 109–138.

25. Medvedev D. Novaya real'nost': Rossiya i global'nye vyzovy [New reality: Russia and global challenges]. *Voprosy ekonomiki* [Economical issues], 2015, no. 10, pp. 5–29.
26. Molodov O. B. Doverie kak faktor konsolidatsii obshchestva [Trust as a factor in society consolidation]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Issues of territorial development], 2013, no. 5 (5). Available at : <http://vtr.isert-ran.ru/article/1336/full>
27. Molodov O. B. Imidzh regional'nykh organov vlasti: teoreticheskie osnovy i problemy formirovaniya [Image of the regional authorities: theoretical principles and problems of formation]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Issues of territorial development], 2014, no. 10 (20). Available at : <http://vtr.isert-ran.ru/article/1452/full>
28. Molodov O. B. Konfessional'naya i natsional'naya samoidentifikatsiya naseleniya Rossii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa 2012 g.) [Religious and national identity of the population of Russia (on materials of the sociological poll of 2012)]. *Sibirskii vestnik spetsial'nogo obrazovaniya* [Siberian journal of special education], 2015, no. 1 (14), pp. 77-80.
29. Molodov O. B. Problemy identifikatsii naseleniya Kazakhstana i Kyrgyzstana [Problems of identification of the population of Kyrgyzstan and Kazakhstan]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2014, no. 6 (50), pp. 95–102.
30. Molodov O. B. Regional'nye i mestnye SMI Vologodskoi oblasti: kontent-analiz [Regional and local media of the Vologda Oblast: content analysis]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2014, no. 2 (70), pp. 127–136.
31. Ne povod dlya bravurnykh relyatsii [No excuse for bravura relations]. *Ekspert* [Expert], 2015, no. 43.
32. Ostalos' tol'ko molit'sya [It remains only to pray]. *Ekspert* [Expert], 2015, no. 43.
33. *O tekushchei situatsii v ekonomike Rossiiskoi Federatsii v yanvare – noyabre 2015 g.* [On the current situation in the economy of the Russian Federation in January – November 2015]. Moscow : Minekonomrazvitiya, 2015. 122 p.
34. *Personal'nyi sait Vladimira Putina* [Personal website of Vladimir Putin]. Available at : <http://interespol.ru/programm/consolid>
35. Petukhov V. V., Barash R. E., Sedova N. V., Petukhov R. V. Grazhdanskii aktivizm v Rossii: motivatsiya, tsennosti i formy uchastiya [Civil activism in Russia: motivation, values and forms of participation]. *Vlast'* [Power], 2014, no. 9, pp. 11–19.
36. Pristegnites'. My v zone turbulentnosti [Buckle up. We are in the zone of turbulence]. *Ekspert* [Expert], 2015, no. 43.
37. *Svoboda. Neravenstvo. Bratstvo: Sotsiologicheskii portret sovremennoi Rossii* [Freedom. Inequality. brotherhood: Sociological portrait of modern Russia]. Under editorship of M. K. Gorshkov. Moscow : Rossiiskaya gazeta, 2007. 444 p.
38. Sotsial'naya situatsiya v Rossii v seredine “novogo starogo” politicheskogo tsikla: chto proiskhodit i kakie perspektivy prosmatrivayutsya? (Razmyshleniya i otsenki V. Bobkova, S. Glaz'eva i M. Delyagina) [Social situation in Russia in the middle of the “new old” political cycle: what happens and what prospects are viewed? (Reflections and evaluation of V. Bobkov, S. Glazyev and M. Delyagin)]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian economic journal], 2015, no. 4, pp. 44–60.
39. *Uroven' inflyatsii v Rossiiskoi Federatsii* [Inflation rate in the Russian Federation]. Available at : uroven'-inflyatsii.rf/tabлица_inflyatsii.aspx
40. Filatov S. B., Lunkin R. N. Statistika rossiiskoi religioznosti: magiya tsifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: magic of figures and mixed reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2005, no. 6, pp. 35–45.
41. Kholodkovskii K. G. Sotsial'nye korni ideino-politicheskoi differentsiatsii rossiiskogo obshchestva [Social roots of ideological-political differentiation of Russian society]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: Nauchnaya elektronnyaya biblioteka* [Civil society in Russia: electronic scientific library]. Available at : http://www.civisbook.ru/files/File/Kholod_1998_3.pdf
42. Chernyavskii R. G. Bar'ery v funktsionirovanii sistemy mezhshektornogo sotsial'nogo partnerstva sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Barriers to the functioning of the system of cross-sector social partnership in the modern Russian society]. *Problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Problems of humanitarian studies], 2012, issue 7, pp. 194–199.
43. Shabunova A. A., Guzhavina T. A., Kozhina T. P. Doverie i obshchestvennoe razvitie v Rossii [Trust and social development in Russia]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2015, no. 2 (79), pp. 7–19.

44. Shimov Ya. Rossiyanam ne stydno. Bol'shinstvo grazhdan gordy stranoi, no ne rady tomu, kak oni zhivut, vyyasnili sotsiologi [The Russians are not ashamed. The majority of citizens are proud of the country, but not pleased with the way they live, find sociologists]. *Radio "Svoboda"* [Radio "Liberty"]. Available at : <http://www.svoboda.org/content/article/27414092.html>
45. Shkaratan O. I. Sotsial'naya sistema, obrashchennaya v proshloe [Social system, turned to the past]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2015, vol. 21, no. 3, pp. 88-104.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Molodov Oleg Borisovich – Ph.D. in History, Senior Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia. E-mail: o_young8172@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.